

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Институт международных отношений,
истории и востоковедения**

IRANICA

**ИРАНСКИЕ ИМПЕРИИ И ГРЕКО-РИМСКИЙ МИР
В VI В. ДО Н. Э. – VI В. Н. Э.**

**КАЗАНЬ
2017**

УДК 94
ББК 63.3
184

Научные редакторы:

доктор исторических наук **О. Л. Габелко**,
доктор исторических наук **Э. В. Рунг**,
кандидат исторических наук **А. А. Сеницын**,
кандидат исторических наук **Е. В. Смыков**

Рецензенты:

доктор исторических наук **С. Г. Карпюк**,
доктор исторических наук **Е. А. Чиглинец**

IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э. /
184 под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Сеницына, Е. В. Смыкова. – Казань: Изд-во
Казан. ун-та, 2017. – 364 с.

ISBN 978-5-00019-823-0

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена различным аспектам взаимодействий Греко-римской цивилизации и Ирана. В разделах, составляющих книгу, рассматриваются контакты Запада и Востока в широком хронологическом диапазоне – с момента зарождения этих отношений и до завершения античной истории. На основе значительного круга источников и обширной историографии историки и археологи России и зарубежных стран (Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Польши, Украины, Франции) обсуждают взаимоотношения Эллады и Ахеменидской империи, взаимное восприятие греков и персов, политику Александра Македонского в отношении иранских народов, роль иранского политического наследия в истории эллинистического мира, военно-политическое противостояние Римской республики и империи с Парфией, а затем с Сасанидским Ираном.

Коллективная монография адресована специалистам в области антиковедения и ориенталистики, международных отношений, истории культуры, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов вузов, а также всем, кто интересуется историей и культурой древнего мира.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00019-823-0

© Издательство Казанского университета, 2017

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

**Institute of International Relations,
History and Oriental Studies**

IRANICA

**IRANIAN EMPIRES AND THE GRECO-ROMAN WORLD
FROM THE SIXTH CENTURY BC
TO THE SIXTH CENTURY AD**

**KAZAN
2017**

Science editors:

O. L. Gabelko (Doctor of Historical Sciences),
E. V. Rung (Doctor of Historical Sciences),
A. A. Sinitsyn (Candidate of Historical Sciences),
E. V. Smykov (Candidate of Historical Sciences)

Reviewers:

S. G. Karpiuk (Doctor of Historical Sciences),
E. A. Chiglintsev (Doctor of Historical Sciences)

**IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC
184 to the Sixth Century AD** / O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov (eds). –
Kazan: Kazan University Press, 2017. – 364 p.

ISBN 978-5-00019-823-0

This multi-author monograph is the first historical study specifically dealing with the different kinds of contacts between Greco-Roman civilization and Iran in a broad chronological framework – from the origins of these contacts to the end of the ancient world. Distinguished historians and archaeologists from Russia and number of other countries (Austria, France, Germany, Poland, Spain, UK, Ukraine), drawing on many sources and an extensive historiography, consider political relations between Greece and the Achaemenid Empire, the mutual perception of the Greeks and Persians, the policy of Alexander the Great towards the Iranians, the Iranian component in the history and culture of the Pontic Kingdom as well as the relationship between Rome, Parthia, and Sasanian Iran.

The multi-author monograph is intended for specialists in the field of ancient history, oriental studies, international relations, history of culture, teachers and students in university departments of humanities, as well as for anyone interested in the history and culture of the ancient world.

ISBN 978-5-00019-823-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Иран и античный мир: тысяча лет взаимоотношений (вместо введения) <i>О. Л. Габелко, Э. В. Рунг, А. А. Сеницын, Е. В. Смыков</i>	14
ГЛАВА I. Ахеменидская держава и ее соседи	31
1. Чужие как свои: евнухи при Ахеменидском дворе <i>А. П. Кивни</i>	31
2. Должность военачальника в Ахеменидской империи <i>Э. В. Рунг</i>	45
3. Греки в Ахеменидской перспективе по данным клинописных текстов из Вавилонии и Персеполя <i>Р. Роллингер, В. Ф. М. Хенкельман</i>	65
4. «Скифы» под Мемфисом (ираноязычные кочевники в египетской компании Артаксеркса III) <i>А. В. Вертиенко</i>	90
5. Ахеменидские «импорты» на территориях к северу от границ Ахеменидской державы <i>М. Ю. Трейстер</i>	103
ГЛАВА II. Греческий мир и Ахеменидская держава	127
1. «Когда нагрянул Мидиец...»: Иония под властью Ахеменидов во второй половине VI – начале V в. до н. э. <i>М. Ю. Лаптева</i>	127
2. Канаты и мосты Греко-персидской войны <i>А. А. Сеницын</i>	137
3. Договоры о дружбе между греками и персидскими царями <i>Э. В. Рунг, Е. А. Вендиктова</i>	172
4. «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н. э. на территории Ахеменидской державы) <i>И. Е. Суриков</i>	181
5. «Гробница Аминты» в Тельмессе и Аминта, сын Бубара <i>Ю. Н. Кузьмин</i>	214
ГЛАВА III. Греки и иранцы в эпоху эллинизма	224
1. Персия и провозглашение Александра Великого царем при Гавгамелах <i>К. Д. Навотка</i>	224
2. Иранская фаланга Александра Великого <i>М. Я. Ольбрыхт</i>	234
3. Восточная политика Селевка II в свете новой надписи из Ирана (предварительные замечания) <i>С. В. Смирнов</i>	248
4. От Даскилия к Синопе: заметки о персидских истоках династии Митридатидов <i>Л. Бальестерос Пастор</i>	257
5. Иранское наследие в Понтийском царстве <i>Е. А. Молев</i>	276

ГЛАВА IV. Рим, Парфия и Иран: перипетии взаимоотношений	284
1. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н. э. <i>Е. В. Смыков</i>	284
2. Итинерарий Мая Тициана как отражение римско-парфянских взаимоотношений <i>И. В. Пьянков</i>	299
3. Из наблюдений за структурой «Парфики» Арриана: датировка и жанр произведения <i>С. М. Первалов</i>	304
4. Иран, Туран и Рум <i>Й. Визехёфер</i>	315
ГЛАВА V. Восприятие персов в греко-римской традиции	325
1. Кир Великий как царь: взгляд Геродота <i>А. С. Сапогов</i>	325
2. Героизированное описание персов в «Истории» Геродота <i>Ю. О. Змитрякова</i>	340
3. Аммиан Марцеллин о царстве Ахеменидов (опыт источниковедческого анализа) <i>В. А. Дмитриев</i>	346
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	356
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	359

CONTENTS

PREFACE	9
Iran and the Classical World: a thousand years of interaction (Introduction) <i>O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov</i>	14
CHAPTER ONE. The Achaemenid Empire and its Neighbours	31
1. Outsiders as Insiders: Eunuchs at the Achaemenid Court <i>A. P. Keaveney</i>	31
2. The title of an army commander in the Achaemenid Empire <i>E. V. Rung</i>	45
3. The Greeks in an Achaemenid perspective according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis <i>R. Rollinger, W. F. M. Henkelman</i>	65
4. The “Scythians” at Memphis (Iranophone nomads in the Egyptian campaign of Artaxerxes III) <i>H. V. Vertiienko</i>	90
5. Achaemenid “Imports” to territories to the north of the Achaemenid state <i>M. Yu. Treister</i>	103
CHAPTER TWO. The Greek World and the Achaemenid Empire	127
1. “When the Mede arrived...”: Ionia under the rule of the Achaemenids from the second half of the sixth to the beginning of the fifth century BC <i>M. Yu. Lapteva</i>	127
2. Ropes and bridges of the Persian War <i>A. A. Sinitsyn</i>	137
3. Treaties of friendship between the Greeks and the Persian Kings <i>E. V. Rung, E. A. Venidiktova</i>	172
4. Famous Athenians of the sixth and fifth centuries BC in the territory of the Achaemenid Empire <i>I. Ye. Surikov</i>	181
5. “The Tomb of Amyntas” at Telmessus and Amyntas, son of Bubares <i>Yu. N. Kuzmin</i>	214
CHAPTER THREE. The Greeks and the Iranians in the Hellenistic period	224
1. Persia and Alexander the Great’s proclamation at Gaugamela <i>K. D. Nawotka</i>	224
2. The Iranian phalanx of Alexander the Great <i>M. J. Olbrycht</i>	234
3. The Eastern Policy of Seleukos II in the light of a new inscription from Iran (preliminary remarks) <i>S. V. Smirnov</i>	248
4. From Dascylium to Sinope: remarks on the Persian roots of the Mithridatid dynasty <i>L. Ballesteros Pastor</i>	257
5. Iran’s legacy in the Pontic Kingdom <i>E. A. Molev</i>	276

CHAPTER FOUR. Rome, Parthia and Iran: the Vicissitudes of the Relationship	284
1. The Parthian campaign of Crassus: some aspects of the campaign of 54 BC <i>E. V. Smykov</i>	284
2. The itinerary of Maes Titianus as a reflection of Roman-Parthian relations <i>I. V. Pyankov</i>	299
3. Some notes on the structure of Arrian’s “Parthica” <i>S. M. Perevalov</i>	304
4. Iran, Turan and Rum <i>J. Wiesehöfer</i>	315
CHAPTER FIVE. Perception of the Persians in the Greco-Roman Tradition	325
1. The kingship of Cyrus the Great: Herodotus’ view <i>A. S. Sapogov</i>	325
2. The heroized description of the Persians in Herodotus’ <i>Histories</i> <i>Yu. O. Zmitryakova</i>	340
3. The Achaemenid Kingdom in Ammianus Marcellinus’ account (a source-study analysis) <i>V. A. Dmitriev</i>	346
ABBREVIATIONS	356
CONTRIBUTORS	359

**Иран и античный мир:
тысяча лет взаимоотношений
(вместо введения)**

О. Л. Габелко, Э. В. Рунг, А. А. Синицын, Е. В. Смыков

Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come from the ends of the earth!

Rudyard Kipling, *The Ballad of East and West* (1889)

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

Р. Киплинг, *Баллада о Западе и Востоке* (пер. Е. Полонской)

* * *

С Востока свет, с Востока силы!
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.
Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.
И кто ж до Инда и до Ганга
Стезю славною прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.
И силой разума и права –
Всечеловеческих начал –
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

В. С. Соловьев, *Ex Oriente lux* (1890)

Приведенные в эпиграфе строки двух стихотворных произведений, написанных практически в одно и то же время знаменитым английским писателем и поэтом Редьярдом Киплингом и известным русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым, как нельзя лучше отражают суть извечного конфликта между Западом и Востоком, Европой и Азией в понимании европейцев конца

позапрошлого века. Однако творцами этой идеи почти на два с половиной тысячелетия раньше были древние греки, которые еще во времена Геродота, в V в. до н. э., увидели в легендарной Троянской войне начало глобального противостояния двух сторон света, двух континентов, двух миров, двух противоположных общностей — эллинов и варваров¹. На протяжении нескольких столетий греки были хорошо знакомы с целым рядом восточных народов — финикийцами, фригийцами, лидийцами, египтянами, вавилонянами и другими²; однако со второй половины VI в. до н. э. Восток в их восприятии начинает неразрывно ассоциироваться по преимуществу с персидской державой Ахеменидов — подлинной мировой империей того времени. Глубоко закономерно поэтому, что взаимоотношения Запада и Востока нашли свое продолжение и своеобразную кульминацию в Греко-персидских войнах³.

Персидская империя была создана Киром II Великим в середине VI в. до н. э., и практически весь период более чем двухвекового ее существования прошел под знаком взаимоотношений с греческим миром. Впервые в контакты с греками вступил именно Кир, принимая у себя посольство из Спарты; его же военачальники Мазарес и Гарпаг подчинили верховной власти царя большую часть малоазийских греческих полисов.

В правление Дария I начинается новый этап масштабных персидских завоеваний. Под руководством самого царя персы тогда впервые шагнули за границы Азии, переправившись на европейский континент. В 514–513 гг. до н. э. Дарий предпринял поход в Скифию, который, хотя и не принес персам успеха, но тем не менее он ознаменовал начало экспансии в западном направлении.

Предлог для войны против балканских греков был найден персами быстро. В 500 г. до н. э. началось Ионийское восстание, которое в историографии принято считать началом Греко-персидских войн⁴. Повод для оправданного вторжения в Грецию персы получили из-за поддержки, оказанной ионийским грекам Афинами и эвбейским полисом Эретрией. Сначала Дарий отправил в Элладу своих глашатаев с требованием подчинения (посредством предоставления ему «земли и воды»⁵); таким образом он разузнал намерения греков и их настроение по отношению к нему. Потом царь прибег к военной силе для покорения греческих полисов Балкан.

Ex Oriente грянула Великая война. Она укрепила мифологему о Востоке и Западе, которые «с мест не сойдут никогда». В 492 г. до н. э. царский военачальник Мардоний предпринял попытку вторжения в Грецию со стороны Фракии и Македонии, однако она оказалась безуспешной, так как его флот понес

¹ Об отражении Троянской войны как глобального конфликта в древнегреческой литературе архаического и классического периодов (VII–V вв. до н. э.) см.: Pallantza 2005.

² Из новых работ: Skinner 2012; Whitmarsh, Thomson 2013; Almagor, Skinner 2013; Vlassopoulos 2013.

³ См.: Bengtson 1974; Lund 2005, 1–17; Рунг 2005a, 125–166; 2007, 149–158; 2009, 149–156; Sánchez 2007, 33–49; Сеницын 2015, 186–213, особ. 193–198 (с литературой).

⁴ О периодизации Греко-персидских войн см.: Dihle 2009; Рунг 2004, 71–82; 2010, 11–30 (с литературой).

⁵ Rung 2015, 503–514.

большой урон из-за шторма у мыса Афон. Следующую попытку персы осуществили через два года. Тогда Датис и Артафрен с флотом пересекли Эгейское море, покорив на своем пути ряд греческих островов, они высадились на Эвбее и наказали Эретрию, захватив и разграбив ее. Потом завоеватели вступили на землю Аттики. 12 сентября 490 г. до н. э. на Марафонской равнине состоялось сражение с греческим войском, которое персы проиграли. После этого поражения они вынуждены были возвратиться в Азию.

Через 10 лет, уже после смерти Дария, его сын и наследник Ксеркс осуществил ширококомасштабное вторжение в Элладу. В 480 г. до н. э. дерзкий владыка повел в Европу огромную армию, собранную со всех подвластных ему территорий, и флот, который насчитывал свыше тысячи кораблей. Казалось, что весь Восток объединился против разрозненных греческих полисов. Для отражения персидской угрозы был создан Эллинский союз во главе со Спартой – первое в греческой истории военно-политическое объединение, включавшее десятки полисов, связанных общей целью.

На пути движения Ксерксова воинства встали тогда спартанцы во главе с царем Леонидом и находившиеся вместе с ними отряды из других греческих городов. В знаменитом Фермопильском сражении герои-защитники погибли, покрыв себя бессмертной славой. В сентябре того же года греческий флот разбил морские силы персов при Саламине. Именно Саламинская победа эллинов стала кульминационной фазой Персидской войны. Ксеркс был вынужден вернуться в Азию, оставив военачальником в Греции Мардония. В решающей битве при Платеях в 479 г. до н. э. греки разгромили войско Мардония, а остатки персов навсегда покинули Элладу⁶.

Однако столкновение греков и персов имело не только чисто военный, но также и религиозный, идеологический и пропагандистский аспекты. Античные авторы развивают идею, что первоначально в основе конфликта было стремление Ахеменидов отомстить грекам за сожжение храма Кибелы в Сардах в ходе Ионийского восстания, а затем уже – желание эллинов по справедливости воздать персам за сожжение ими греческих храмов во время вторжений в Грецию⁷. Помимо этого, «политика возмездия» со стороны Ксеркса во многом диктовалась намерением восстановить престиж Ахеменидов после поражения войска его отца Дария при Марафоне, тогда как греками двигало вполне естественное стремление расплатиться с варварами за их вторжения в Элладу и тот урон, который был нанесен войсками Дария и Ксеркса эллинским полисам.

В дальнейшем, на протяжении Пентеконтаэтии – периода греческой истории со времени отражения нашествия Ксеркса и до начала Пелопоннесской войны (479–431 гг. до н. э.), – в основном именно афинский полис возглавлял военные действия против персов в регионе Восточного Средиземноморья. Под

⁶ Укажем новые работы о персидской экспансии, разорении Эллады и изгнании персов из Европы: Cartledge 2013; Stoneman 2015; Bridges 2015; Garland 2017. См. также раздел А. А. Сеницына в данной коллективной монографии.

⁷ Подробнее: Miles 2014, 111–145; Rung 2016, 166–179. Обсуждение этой проблемы см. в нашей книге в разделе А. А. Сеницына (с. 148–150).

руководством афинского полководца Кимона эллины одержали уникальную победу при Евримедонте ок. 466 г. до н. э. Афины стали лидерами Делосской (позднее – Афинской) симмахии. Но в первой половине 450-х гг. афиняне потерпели серьезное поражение в Египте. Открытая конфронтация греков и персов продолжалась до тех пор, пока в 449 г. до н. э. воюющие стороны не заключили Каллиев мир, названный так по имени афинского «дипломата», который вел переговоры с персами. По принятому в историографии мнению, именно этот договор и фактически, и юридически завершил эпоху Греко-персидских войн. Он же знаменует собой наступление в отношениях между Востоком и Западом нового этапа, который характеризуется укреплением и активизацией греко-персидских дипломатических отношений. Ведущие полисы Эллады отныне стремятся использовать финансовые, экономические, а порой и военные возможности Персии в борьбе между собой⁸.

Период после изгнания войск Ксеркса и до установления македонской гегемонии в Греции был временем напряженных межполисных конфликтов, ведшихся за доминирующее влияние в Греции (Афин и Спарты, а позднее, в IV в. до н. э., также и Фив), и исход этой борьбы в конечном итоге во многом зависел от позиции Персии. Симптоматично, что самая крупная в греческой истории Пелопоннесская война 431–404 гг. до н. э. завершилась победой Спарты над Афинами, одержанной в союзе спартанцев с Персией.

Во время наиболее интенсивных внутригреческих конфликтов идея противостояния Востока и Запада, Эллады и Персии становится краеугольным камнем доктрины панэллинизма, разработанной греческими ораторами в IV в. до н. э.⁹ и использованной для обоснования войны с Ахеменидской империей сначала Филиппом II Македонским, а затем и его сыном Александром¹⁰. В массовом сознании греков в V–IV вв. до н. э. постепенно формируется образ врага, который ассоциировался именно с державой Ахеменидов и персами вообще¹¹. Одновременно с зарождением и развитием идеи противостояния Запада и Востока в массовом сознании греков формируются и закрепляются стереотипные представления о восточных народах и прежде всего опять-таки именно о персах/иранцах как о людях, приверженных к чрезмерной роскоши, подчинению деспотической власти монарха и склонных к рабскому образу жизни¹². Однако реальная действительность была гораздо сложнее идеологических конструкций¹³. Так, даже в условиях доминирования в общественной психологии ненависти к персам (зачастую искусственно подогреваемой) в Элладе всегда в немалом числе находились люди, которые были готовы или даже открыто стремились к сотрудничеству с этими «варварами». И потому уже в начальный

⁸ См., например: Печатнова 1982, 85–108; 2003, 73–97; Рунг 2007, 41–60; 2008; 2009; 2011, 57–72.

⁹ Perlman 1976, 1–30; Green 1996, 5–36; 2004, 104–132; Flower 2000, 65–101; Mitchell 2007; Исаева 1990, 59–85; 1994, 157–173.

¹⁰ Sakellariou 1980, 128–145; Flower 2002, 96–135; Фролов 1983, 157–207; 2001, 469–498.

¹¹ Hutzfeldt 1999; Provencal 2015.

¹² Рунг 2005a, 125–166; 2009, 109–145 (с дальнейшей литературой).

¹³ Allen 2002, 12.

период персидских завоеваний второй половины VI – начала V в. до н. э. многие греческие тираны желали заручиться поддержкой Ахеменидов или заполучить их прямое покровительство¹⁴, а в самой Балканской Греции в 490–480-е гг. до н. э. ширилось движение мидизма, которое часто воспринималось современниками и потомками как предательство общеэллинических интересов¹⁵. Как до Греко-персидских войн, так и после них греческие эмигранты продолжали находить в Персии радушный прием и политическое убежище¹⁶, а многие греки по тем или иным причинам отправлялись на территорию Ахеменидской державы служить в качестве наемников¹⁷. Более того, далеко не все эллины отрицательно относились к персидскому (т. е. «варварскому») образу жизни, о чем свидетельствует ряд характерных примеров¹⁸.

Новую Великую Войну принес уже из Европы в Азию молодой македонский владыка. Мифологема о непримиримости Запада и Востока вновь стала актуальной. Александр Македонский в 334 г. до н. э. начинал свой поход против Персидской державы под лозунгами панэллинизма и возмездия варварам. В этом отношении он следовал заветам своего отца, поскольку такие установки отвечали интересам и греков, и македонян, а в первую очередь, разумеется, его собственным планам¹⁹. Однако после серии блестящих побед при Гранике, Иссе, Гавгамелах, после захвата македоно-греческой армией столиц Персидской империи и бесславной гибели Дария III, позиции царя в отношении персов и иранского политического наследия претерпевают коренные изменения.

Можно спорить о том, действительно ли Александр намеревался стать и стал в реальности «последним Ахеменидом»²⁰, однако не подлежит сомнению факт активного привлечения им иранцев в армию²¹ и довольно частого использования выходцев из высшей персидской знати на ответственных административных постах²². Вероятно, в планах Александра по строительству мировой державы персам (и вообще иранцам) наряду с македонянами (и отчасти греками) действительно отводилась особая роль. Александр хотел попробовать син-

¹⁴ Graf 1985, 79–123; Austin 1990, 289–306; Рунг 2008а, 83–114; 2009, 14–36. См. также раздел М. Ю. Лаптевой в этом издании.

¹⁵ Graf 1984, 15–30; Tuplin 1997, 154–185; Рунг 2005b, 14–35; 2009, 37–63; Rung 2013, 71–82.

¹⁶ См.: Hofstetter 1978; Keaveney 2003. См. также раздел И. Е. Сурикова в настоящей коллективной монографии.

¹⁷ Маринович 1975, 98–121.

¹⁸ Карпюк 2012.

¹⁹ См., например: Müller 2014.

²⁰ Ставшая почти что афоризмом фраза Пьера Бриана: Briant 1996, 1077; аргументы *contra*: Кошеленко, Гаилов 2007, 202–222, особ. 219.

²¹ См. об этом специально раздел М. Я. Ольбрыхта в данном издании.

²² Будет не лишним напомнить, что первый пример таких действий имел место уже в самом начале похода: сатрапом Каппадокии Александр назначил некоего Сабикта (Агг. *Anab.* II. 4. 2) или Абистамена (Curt. III. 4. 1); иранское происхождение этих имен (особенно первого) очень вероятно. Возможно, эти наместники сменили одни другого, хотя не исключена вероятность «раздвоения» в источниках одного и того же персонажа.

тетически соединить эти два мира-полюса; стремился если не примирить их, то, одолев Восток, своею силой объединить различные культуры.

Александр Великий не проводил «вестернизацию» Востока, а наоборот, стремился стать «своим» среди «чужих». Такая политика была нацелена на то, что он желал удержать власть на покоренных им территориях, и для этого пытался выстроить систему управления, близкую к той, что существовала в восточных государствах. Александр Македонский, пришедший как покоритель народов из Европы, стал Александром Востока. Его анабасис – это путь к эллинизации (синтезу западно-восточных культур в широком смысле), через политику ориентализма, какой ее представлял сам завоеватель, со всеми ошибками и перегибами. Александру не суждено было вернуться назад, на Запад. Восток поглотил героя, навеки сделав его «своим».

В рамках постепенно формирующейся новой эллинистической цивилизации Восток как враждебная Западу сила на время утратил свою политическую персонификацию. Однако с исчезновением державы Ахеменидов отнюдь не прекратила свое существование во многом восходящая именно к ней иранская государственная-политическая традиция. Ее роль в эллинистическом мире на протяжении IV–I вв. до н. э. следует оценивать в нескольких измерениях²³. Прежде всего, с ней были вынуждены считаться Селевкиды – цари крупнейшей из эллинистических монархий, с полным правом считающиеся преемниками и Александра, и персидских монархов. Особо следует подчеркнуть в связи с этим тот факт, что сын и преемник основателя династии Селевка I Никатора Антиох I Сотер по матери был иранского происхождения, и это могло способствовать признанию и укреплению его власти у населения восточных областей державы, которыми он в течение длительного времени руководил как соправитель отца, а затем уже – как самостоятельный владыка²⁴.

Подданными Селевкидов были как собственно персы, так и представители других иранских этносов – мидийцы, бактрийцы, парфяне, гирканцы и прочие. Греки и македоняне, несмотря на многократные победы Александра над армией Дария и другими противниками на Востоке, не раз имели возможность убедиться в их высоких боевых качествах, так что отношения с ними имели для Селевкидов чрезвычайно важное значение. Они довольно активно набирали представителей иранских народов в свою армию (абсолютный приоритет отдавался коннице)²⁵, а также целенаправленно принимали отдельных представителей иранской аристократии (по преимуществу персов) в состав постепенно складывающегося в их державе «господствующего общества»²⁶.

Иранско-ахеменидское политическое наследие, кроме того, продолжало сохранять свое первенствующее значение в целом ряде небольших (по крайней

²³ В целом о проблеме и современных подходах к ней: Strootman 2014, 20–26.

²⁴ См., например: Harders 2016, 31–35; Engels, Erickson 2016, 40–45.

²⁵ Launey 1949, I, 563–586; обобщающие выводы: Балахванцев 2012, 303–305. См. подробнее на примере бактрийцев: Nikonov 1997, I, 30–49; II, 5–11, 38–57, fig. 6–25; 19–21, pl. 2–3.

²⁶ Кроме иранцев, это относится только к вавилонянам; ср. Мель 2005, 76–77. См. также: Балахванцев 2014, 305–307; 2015, 17–18.

мере, первоначально) государств эллинистической ойкумены, которые избежали установления македонской гегемонии и были возглавлены представителями иранской аристократии. Список их довольно обширен: Понтийская и Великая Каппадокии, Софена, Великая и Малая Армении, Коммагена, Мидия Атропатена, государство фратарак в Персиде. Местные правители, добившись реальной и/или формальной политической независимости от диадохов, а затем от селевкидских монархов, получили возможность активно, но избирательно воспринимать элементы западной цивилизации – греческий язык, македонские (в своей основе, но дополненные другими влияниями) модель монархической власти и государственные институты, монетный чекан, эллинскую культуру; эти династы, подобно своим македонским и греческим современникам, и сами вели активную филэллинскую деятельность²⁷.

Все перечисленное, однако, ничуть не препятствовало им позиционировать себя как преемников Ахеменидов – не только по факту сохранения политического суверенитета над частью их прежних владений, но и в результате возведения собственных династических генеалогий к ахеменидским сатрапам, имевшим определенные (здесь не место разбирать, насколько обоснованные) претензии на прямое или опосредованное родство с персидской царской династией²⁸. Представители некоторых иранских царских домов, вполне «эллинистические» по внешнему облику, иногда копировали определенные институты и атрибуты ахеменидского двора – достаточно вспомнить, к примеру, гарем Митридата VI Евпатора, принятие им титула «царь царей» (разумеется, в греческом варианте) (SEG. XXXVII. 1987, 668²⁹; КБН. 979), своеобразную практику престолонаследия и функционирования государственной системы в Каппадокии³⁰, тиару армянских царей³¹ или политическую идеологию фратарак³² и др. Видимо, имперский престиж Ахеменидов оставался не только частью «славного прошлого», но и реальным фактором актуальной политической жизни для широких кругов малоазийского населения, в том числе и неиранского происхождения³³. Это дает основания некоторым исследователям говорить об «иранизме»³⁴, «митридатизме»³⁵ или «персианизме»³⁶ как своеобразных

²⁷ См., к примеру, о понтийской и каппадокийской династиях соответственно: Michels 2009, 87–122; 122–146.

²⁸ См. раздел Л. Бальестерос Пастора в этой коллективной монографии.

²⁹ См.: Ballesteros Pastor 1995, а также раздел Е. А. Молева в нашей книге.

³⁰ См. об этом специально: Габелко 2009, 115–118.

³¹ Тирацян 1982. См. полезную таблицу, в которой сведены воедино иконографические данные о головных уборах ахеменидских сатрапов и иранских правителей эллинистического времени: Michels 2009, 246, Abb. 57. Ср. парфянский материал: Olbrycht 1997.

³² Обобщающая работа: Engels 2013.

³³ Макгинг 1998, 106. Между тем, некоторые знатные фамилии иранского происхождения в Малой Азии могли сохранять свое экономическое и политическое влияние не только в эллинистическое, но даже и в римское время (Briant 1985, 167–195).

³⁴ Сапрыкин 2009, 268.

³⁵ С. Ю. Сапрыкин именуется так политику преемников Митридата Евпатора на Боспоре (Сапрыкин 1995, 191, 193, 197, 203; 2001, 23 и др.).

направлениях политики, идеологии, пропаганды и культуры в малых эллинистических монархиях.

То обстоятельство, что притязания на власть иранской политической элиты признавались законными и обоснованными даже царями македонского происхождения, отчетливо подтверждается брачно-династической политикой Селевкидов, на протяжении нескольких поколений заключавших браки с представителями этих знатнейших иранских родов³⁷. В свою очередь, для самих этих династий данные альянсы имели важнейшее легитимирующее значение и способствовали их официальному признанию со стороны македонских правителей, что проявилось даже в учреждении особого «отсчета лет царского статуса», ведущегося от годов заключения таких брачных союзов³⁸.

Наконец, с течением времени «имперскую эстафету» от Ахеменидов принимают парфянские Аршакиды. Эта династия происходила из среды ираноязычных кочевников парнов, которые первоначально обитали в Центральной Азии. В отличие от иранских царских домов Анатолии они не были связаны с правящим домом Персидской империи. Их борьба с Селевкидами была длительной и непростой³⁹; окончательный перелом в ходе этой борьбы произошел после разгрома и гибели Антиоха VII Сидета. Это случилось в ходе кампании Антиоха VII (проходившей, кстати, сначала весьма удачно) против парфянского царя Фраата II в 129 г. до н. э.⁴⁰ После аннексии значительной части селевкидских владений в ходе завоеваний Митридата II (ок. 123–88 гг. до н. э.) аршакидские «цари царей» превратили свое государство в ведущую державу на восточных рубежах эллинистического мира. Хотя они и заимствовали отдельные элементы эллинистической βασιλεία⁴¹, они стали совершенно недвусмысленно претендовать на статус мировой державы иранско-ахеменидского образца⁴².

Новый этап актуализации идеи противостояния Запада и Востока происходит уже в условиях, когда «Рима царственный орел» стал владыкой Средиземноморской державы. К началу I в. до н. э. Рим, уже вступивший на тот момент в наследство завещанным ему царством Атталидов в Малой Азии, оказался непосредственно втянут в международные отношения на Ближнем Востоке. Эти отношения все более и более напоминали анархию, и это в условиях, когда неуклонно набирали силу два молодых хищника (иранского же происхождения) – Понтийская держава Митридата Евпатора и Великая Армения Тигра-

³⁶ Strootman 2014, 23. «Персианизм в древности» – тема международной конференции, проводившейся в апреле 2014 г. в Стамбуле Нидерландским институтом в Турции.

³⁷ Engels, Erickson 2016, 44.

³⁸ Габелко 2005, 86–99; Gabelko 2009.

³⁹ Уточнение важных деталей вплоть до существенной переоценки итогов военных действий, ведшихся против парфян Селевком II (Балахванцев 2000; Абакумов 2014) и Антиохом III (Абакумов 2015) в пользу Селевкидов.

⁴⁰ См. об этих событиях: Дибвойз 2008, 49–53.

⁴¹ Например, династическую эру с началом ок. 247 г. до н. э. и покровительство греческой культуре; о последнем см.: Olbrycht 2014.

⁴² См. характерное название одной из глав: «Иранское возрождение в парфянский период» (Sarkosh Curtis 2006, 7–25) в коллективной монографии: (Sarkosh Curtis, Stewart 2006).

на II. Риму сразу же пришлось стать арбитром в бесконечных территориальных спорах местных правителей. Именно в этом контексте состоялся первый контакт с представителем Аршакидов. Это произошло между 96 и 92 гг. до н. э.⁴³ и не имело особых последствий. Как кажется, римляне не осознали, что имеют дело с самой обширной державой региона, объединившей под своей властью значительную часть былых владений Ахеменидов к востоку от Евфрата. Сначала Сулла, а затем Помпей сразу же приняли привычный для Рима тон старших партнеров, и парфянский двор смирился с этим после небольшой демонстрации силы, устроенной Помпеем. Договор, заключенный в 63 г. до н. э., признавал статус Аршакидов как друзей и союзников римского народа и устанавливал Евфрат в качестве границы между двумя государствами.

Такое положение не могло сохраняться долго, и уже через десять лет происходит первое столкновение держав, спровоцированное династической борьбой в Парфии, – поход М. Лициния Красса, закончившийся военной катастрофой. Отныне, вплоть до III в. н. э., отношения Востока и Запада развиваются в самой тесной связи с римско-парфянскими конфликтами, а затем – с длительной борьбой против Сасанидского Ирана. Примечательно, что и в данных обстоятельствах римские авторы, вспоминая героическую борьбу греков против Ахеменидов, вполне осознанно проводили параллели с современными им войнами с Аршакидами и Сасанидами⁴⁴.

Если борьба греков с державой Ахеменидов действительно имела характер длительного противостояния, в котором, по крайней мере на первых этапах, речь шла о том, сохранят ли полисы Эллады свою автономию, столь дорогую им, то в римское время идея противостояния носила в известной мере искусственный характер. Аршакиды на протяжении большей части истории их империи вели на западе довольно пассивную внешнюю политику, а войны с Римом происходили в основном не с целью расширения их владений на запад от Евфрата, а по поводу престолонаследия в геополитически важной Армении, игравшей роль буфера между двумя державами. Что касается Рима, то начиная со времени Августа и до времени Траяна он тоже не делал серьезных попыток нарушить границу по Евфрату. Парфия воспринималась скорее не как государство непримиримо враждебное, а как принципиально чуждое по своему быту, нравам, политическим традициям⁴⁵. Римляне рассматривали парфян отнюдь не в качестве наследников древних культур и великих империй Востока, а всего лишь как варварский народ, стоящий практически на одном уровне со скифами, сарматами или аланами⁴⁶.

⁴³ Датировка до сих пор остается спорной – 96, 94 или 92 г. до н. э. См. об этом: Смыков 2007, 93–106.

⁴⁴ Gregoratti 2012, 25–36; Махлаюк 2012, 199–208.

⁴⁵ Показательно, что, несмотря на уничтожение армии М. Красса и периодическое бряцание оружием в сочинениях римских поэтов и историков, в массовом сознании не сложилось ничего столь же устойчивого, как *metus Gallicus* или *metus Punicus* прежних времен. О различных аспектах восприятия парфян в Риме см.: Lerouge 2007, 173 f.

⁴⁶ Sonnabend 2006, 228 f.

Не менее, если не более, важной, чем военные и дипломатические контакты, была мирная сторона римско-парфянских отношений. Аршакидская Парфия при всей рыхлости ее политических структур сумела обеспечить порядок и безопасность на огромных просторах от границ Китая до Месопотамии и играла важную роль как посредник в торговле Средиземноморья с отдаленным востоком и югом Азии. Через ее территорию проходили важнейшие торговые пути (включая и Великий Шелковый путь), которые завершались на территории римской Сирии, и не считаться с этим было невозможно. Римской элите требовалось все больше и больше дорогих и престижных восточных товаров⁴⁷, поэтому даже военные конфликты не могли нарушить эти связи. Важность своей монополии как посредников парфяне вполне осознавали: китайская «Хоухань-шу» («История младшей Хань») отмечает, что «ань-си» (парфяне), желая монопольно торговать шелком, не пропускали «дациньцев» (римлян) через свою территорию⁴⁸. Именно в рамках экономически взаимовыгодного сосуществования происходит возвышение известнейших центров караванной торговли, таких как Пальмира, Петра, Хатра и др. На это же время приходится и расцвет «сирийских Помпей» – греко-римско-парфянского города Дура-Европос.

Решающий удар этим отношениям нанесли отнюдь не римско-парфянские военные столкновения, возобновившиеся в 60-е гг. II в. н. э., а тот политический кризис, который практически одновременно разразился на обоих концах Шелкового пути. В Китае это были смуты, которыми сопровождалось падение династии Хань, в Риме – гражданская война 193–197 гг. н. э. и затем – кризисный III век. Смуты на территории Китая сделали караванную торговлю небезопасной, а кризисная эпоха в Риме, как известно, и вовсе привела к фактическому распаду империи. Именно после событий этого бурного века и как их результат наступает упадок всех центров караванной торговли, обернувшийся для Парфии падением доходов, финансовыми проблемами и политической нестабильностью, усилением сепаратизма отдельных областей империи.

В этих условиях происходит еще одно важное событие – смена династии Аршакидов новой династией Сасанидов, при которой противостояние на Евфрате набирает новую силу. Применительно к истории искусства Д. Шлюмберже говорит о том, что приход Сасанидов «знаменовал собой конец несредиземноморского эллинизированного Востока»⁴⁹. В сфере политики то же самое отчуждение от Запада проявилось не столь быстро и явно, но оно начало нарастать со времени первых шаханшахов. Уже при Ардашире I формируется концепция «Большого Ирана»⁵⁰, и новая династия, согласно сообщению Геродиана (VI. 2), предъявляет права на наследие Ахеменидов. Начинается череда

⁴⁷ О значении торговли с Востоком для Рима см.: McLaughlin 2010, 141 f.

⁴⁸ Хенниг 1961, 434. Впрочем, здесь действовали не только торговые, но и политические соображения: парфяне опасались возможного союза между Римской империей и их восточными соседями и противниками, аланами и кушанами (McLaughlin 2010, 107).

⁴⁹ Шлюмберже 1985, 181.

⁵⁰ Gnoli 1989, 129 f., 175.

римско-персидских войн, даже беглого взгляда на список которых достаточно для осознания остроты противоборства.

Военные столкновения дополнялись важными изменениями экономического характера. Сасаниды окончательно перекрыли римлянам пути караванной торговли, что в сочетании с политическими потрясениями на дальнем Востоке привело к временному упадку торговли по Шелковому пути. Это не значит, что торговые отношения прервались, но они весьма сократились. Согласно договору 298 г. н. э., завершившему первый период римско-персидских войн, был установлен единственный пункт, в котором купцам двух держав можно было вести торговлю, – Нисибис⁵¹. Это сократило зону возможных контактов и усилило отчужденность двух миров⁵². Экономические выгоды римской власти резко сократились; более того, римляне теперь не всегда были в состоянии обеспечить защиту своих владений от внешних врагов. Через несколько десятилетий, когда войны возобновились, Рим утратил Нисибис и всю Северную Месопотамию.

Важным фактором было и то, что к политическому противостоянию добавилось религиозное. После превращения христианства в господствующую в Римской империи религию, Сасанидские правители сменили традиционную религиозную терпимость на религиозные преследования⁵³. Некоторых из них отличал настоящий «зороастрийский фундаментализм» и стремление к насильственному насаждению традиционной иранской религии. Так, Йездигерд II попытался установить не только политический, но и религиозный контроль над Арменией, первой страной, которая официально приняла христианство как государственную религию и тем самым стала важным союзником Восточной Римской империи в регионе. Он попытался вновь насадить здесь «религию предков» – зороастризм. Интересно, что битва на Аварайрском поле, в которой армяне во главе со своим национальным героем Варданом Мамиконяном (кстати, по материнской линии он происходил от парфянских Аршакидов) разбили персов, произошла 26 мая или 2 июня 451 г. – т. е. менее чем за месяц до знаменитой битвы на Каталаунских полях (20 июня 451 г.), принесшей победу объединенным силам Римской империи и союзных ей варваров над гуннами Атиллы. Гонения на христиан, которые периодически возобновлялись в пределах Ирана, вносили новый аспект в отношения Рима и Ирана, придавая их противостоянию религиозно-идеологический оттенок – нечто совершенно немислимое в предшествующие эпохи!

⁵¹ Для всесторонней оценки этого договора см.: Winter 1988, 152–215.

⁵² По мнению современных исследователей, ограничение торговли было связано с обоюдным желанием сократить для противоположной стороны возможности для шпионажа (Dignas, Winter 2007, 205). Интересно, что в парфянскую эпоху такие соображения либо не приходили в голову (что маловероятно), либо не принимались в расчет. Это яркий пример того, насколько усилились враждебные отношения Рима и Ирана во времена Сасанидов!

⁵³ Впрочем, враждебным официальной церкви несторианам персидские власти покровительствовали, так что в дальнейшем христианство несторианского толка осталось преобладающей формой этой религии на территории Ирана, откуда оно распространилось на Восток вплоть до Китая.

Таким образом, к середине первого тысячелетия нашей эры отношения с Ираном окончательно вступили в период непримиримой конфронтации. Войны между двумя государствами шли с переменным успехом до самого арабского завоевания, итогом которого была ликвидация государства Сасанидов и утрата Византией большей части ее восточных владений. С этого времени наступает новый этап в отношениях Востока и Запада.

Закончилась античная эпоха. Эллада с ее полисным устройством и могущественный Рим с его державными амбициями ушли в прошлое. Но противостояние Запада и Востока продолжилось, в очередной раз подтверждая киплинговскую сентенцию, что им «не сойтись никогда».

**Iran and the Classical World:
a thousand years of interaction (Introduction)**
O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov

The development of relations between East and West is among the most popular subjects in modern historical studies. The contacts between the Iranian empires of the Achaemenids, Arsacids and Sassanids, on one side and the Greek-Roman world, on the other, should be seen not only as a history of collision and conflict but also as an example of political, cultural and economic convergence and reciprocal influence. An investigation of contacts between the Classical world and the Iranian civilizations can only be adequately realized through application of the differing methodological approaches of researchers in European antiquity and Oriental studies. In this chapter the authors attempt to trace the long history of relationships (political, economical and cultural) between Iranian states and the Greco-Roman world, beginning with the establishment of the Achaemenid Empire to the East and the flourishing of the Greek world to the West in the mid-sixth century BC and ending in the period of the Sasanian and the Roman Empires in the first centuries AD.

Литература

1. *Абакумов А. А.* 2014: Восточный поход Селевка II: был ли царь в плену у парфян? // ДГВЕ -2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А. В. Подосинов, О. Л. Габелко (ред.), 331–342.
2. *Абакумов А. А.* 2015: Селевкидская армия в парфянской кампании Антиоха III // *Oriens*. 5, 5–12.
3. *Балахванцев А. С.* 2000: Селевк II Каллиник и Парфия // *МОДА*. 1, 201–216.
4. *Балахванцев А. С.* 2014: «Восточная политика» Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность? // ДГВЕ -2012. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А. В. Подосинов, О. Л. Габелко (ред.), 298–316.
5. *Балахванцев А. С.* 2015: Существовал ли этнокласс в державе Селевкидов? // *Oriens*. 5, 12–19.

6. Габелко О. Л. 2005: Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. 1: Эллинистический мир: единство многообразия / О. Л. Габелко (ред.), 86–106.
7. Габелко О. Л. 2009: К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // АМА. 13, 92–119.
8. Дибвойз Н. К. 2008: Политическая история Парфии / пер. с англ., науч. ред. и библиографич. приложение В. П. Никонорова. СПб.
9. Исаева В. И. 1990: Идеологическая подготовка эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 59–85.
10. Исаева В. И. 1994: Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М.
11. Картюк С. Г. 2012: Персидская роскошь в демократических Афинах // ВДИ. 3, 58–67.
12. Кошеленко Г. А., Гаубов В. А. 2007: Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // ПИФК. 17, 202–222.
13. Макгинг Б. 1998: На рубеже. Культура и история Понтийского царства // ВДИ. 3, 97–112.
14. Маринович Л. П. 1975: Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М.
15. Махлаюк А. В. 2012: Ахеменидская Персия в римской литературе: Образ «иноного» и специфика исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного университета. 3. 1, 199–208.
16. Мель А. 2005: Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // ААе. 1: Эллинистический мир: единство многообразия / О. Л. Габелко (ред.), 73–85.
17. Печатнова Л. Г. 1982: Спарта и Персия в конце V в. до н. э. // Проблемы античной государственности / Э. Д. Фролов (ред.). Л., 85–108.
18. Печатнова Л. Г. 2003: Спарта и Персия: история отношений (середина VI в. – 413 г. до н. э.) // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / А. Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 73–97.
19. Рунг Э. В. 2004: Традиция восприятия Греко-персидских войн как мидийских в V–IV вв. до н. э. // Мнемон. 3, 71–82.
20. Рунг Э. В. 2005а: Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н. э. // Мнемон. 4, 125–166.
21. Рунг Э. В. 2005b: Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 3, 14–35.
22. Рунг Э. В. 2007: Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: от Симонида Кеосского до Эсхила // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2. 4, 149–158.
23. Рунг Э. В. 2008а: Ранние греческие тираны и персы // История: мир прошлого в современном освещении: сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / А. Ю. Дворниченко (ред.). СПб., 83–114.

24. Рунг Э. В. 2008b: Греция и Ахеменидская держава. История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб.
25. Рунг Э. В. 2009: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань.
26. Рунг Э. В. 2010: Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода // Вестник РГГУ. 10, 11–30.
27. Рунг Э. В. 2011: Писсуфн и Афины: перипетии взаимоотношений // Мнемон. 10, 57–72.
28. Сапрыкин С. Ю. 1995: Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире / Л. П. Маринович (ред.). М., 181–203.
29. Сапрыкин С. Ю. 2001: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.
30. Сапрыкин С. Ю. 2009: Религия и культуры Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула.
31. Синицын А. А. 2015: Греки и монстры: об античной мифологии как занимательной этногеографии (эскиз на тему путешествий и открытий) // БИ. 31, 186–213.
32. Смыков Е. В. 2007: Каппадокийская миссия Суллы: проблемы хронологии (историографический очерк) // ШН. 7, 93–106.
33. Тирацян Г. А. 1982: Армянская тиара: опыт культурно-исторической интерпретации // ВДИ. 2, 90–95.
34. Фролов Э. Д. 1983: Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция: проблемы развития полиса. 2. М., 157–207.
35. Фролов Э. Д. 2001: Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб.
36. Хенниг Р. 1961: Неведомые земли. I. М.
37. Шлюмберже Д. 1985: Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М.
38. Allen K. H. 2002: Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century B. C. Diss. Princeton.
39. Almagor E., Skinner J. (eds) 2013: Ancient Ethnography. New Approaches. London.
40. Austin M. M. 1990: Greek Tyrants and the Persians // CQ. 40. 2, 289–306.
41. Ballesteros Pastor L. 1995: Notas sobre una inscripción de Ninfeo en honor de Mitrídates Eupator, Rey de Ponto // DHA. 21, 111–117.
42. Bengtson H. 1974: Hellenen und Barbaren Antithese im Zeitalter der Perserkriege // Bengtson H. Kleine Schriften zur Alten Geschichte. München, 158–173.
43. Briant P. 1985: Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide // DHA. 11. 1, 167–195.
44. Briant P. 1996: Histoire de l'empire perse de Cyrus à Alexandre. Paris.
45. Bridges E. 2015: Imagining Xerxes: Ancient Perspectives on a Persian King. London; New Delhi; New York; Sidney.

46. *Cartledge P. A.* 2013: *After Thermopylae: The Oath of Plataea and the End of the Graeco-Persian Wars.* Oxford.
47. *Dignas B., Winter E.* 2007: *Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals.* Cambridge.
48. *Dihle A.* 2009: *Hellas und der Orient. Phasen wechselseitiger Rezeption / Mit einer Einführung von R. Feldmeier.* Berlin; New York.
49. *Drijvers J. W.* 2009: *Rome and the Sasanid Empire: Confrontation and Co-existence // A Companion to Late Antiquity / P. Rousseau (ed.).* Malden; Oxford, 441–454.
50. *Engels D.* 2013: *A New Frataraka Chronology // Latomus.* 72, 29–80.
51. *Engels D., Erickson K.* 2016: *Apama and Stratonike – Marriage and Legitimacy // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coşkun, A. McAuley (eds).* Stuttgart, 39–65.
52. *Flower M. A.* 2000: *From Simonides to Isocrates: The Fifth Century Origins of Fourth Century Panhellenism // ClAnt.* 19. 1, 65–101.
53. *Flower M. A.* 2002: *Alexander the Great and Panhellenism // Alexander the Great in Fact and Fiction / A. B. Bosworth, E. Baynham (eds).* Oxford, 96–135.
54. *Gabelko O. L.* 2009: *The Dynastic History of Hellenistic Monarchies of Asia Minor According to the “Chronography” by George Synkellos // Mithridates VI and the Pontic Kingdom / J.-M. Højte (ed.).* Aarhus, 47–61.
55. *Garland R.* 2017: *Athens Burning. The Persian Invasion of Greece and the Evacuation of Attica.* Baltimore.
56. *Gnoli G.* 1989: *The idea of Iran: An essay on its origin.* Roma.
57. *Graf D. F.* 1984: *Medism: The Origin and Significance of the Term // JHS.* 104, 15–30.
58. *Graf D. F.* 1985: *Greek Tyrants and Achaemenid Politics // The Craft of the Ancient Historian. Essays in Honor of Chester G. Starr / J. W. Eadie, J. Ober (eds).* Lanham, 79–123.
59. *Gregoratti L.* 2012: *Fighting an Ever Dying Enemy: Western Perspectives on Persians and Parthians // Myth-Making and Myth-Breaking in History and the Humanities. Proceedings of the Conference Held at the University of Bucharest, 6–8 October 2011 / C.-F. Dobre, I. Epurescu-Pascovici, C. E. Ghiță (eds).* Bucharest, 25–36.
60. *Green P.* 1996: *The Metamorphosis of the Barbarian: Athenian Panhellenism in a Changing World // Transitions to Empire. Essays in Greco-Roman History, 360–146 B. C. in honor of E. Badian / R. W. Wallace, E. M. Harris (eds).* Norman; London, 5–36.
61. *Green P.* 2004: *From Ikaria to the Stars: Classical Mythification, Ancient and Modern.* University of Texas Press.
62. *Harder A.-C.* 2016: *The Making of a Queen – Seleukos Nikator and His Wives // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coşkun, A. McAuley (eds).* Stuttgart, 25–38.
63. *Hofstetter J.* 1978: *Die Griechen in Persien. Prosopographie der Griechen im Persischen Reich vor Alexander.* Berlin.

64. *Hutzfeldt B.* 1999: Das Bild der Perser in der griechischen Dichtung des 5. vorchristlichen Jahrhunderts. Wiesbaden.
65. *Keaveney A. P.* 2003: The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B. C.?) as a Refugee in Persia. Lewiston, New York; Queenston; Lampeter.
66. *Launey M.* 1949: Recherches sur les armées hellénistiques. 1. Paris.
67. *Lerouge Ch.* 2007: L'image des Parthes dans le monde gréco-romain du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain. Stuttgart.
68. *McLaughlin R.* 2010: Rome and the Distant East: trade routes to the ancient lands of Arabia, India and China. London; New York.
69. *Michels K.* 2009: Kulturtransfer und monarchischer "Philhellenismus". Bithynien, Pontos und Kappadokien in hellenistischer Zeit / Schriften zur politischen Kommunikation. 4. Göttingen.
70. *Miles M. M.* 2014: Burnt temples in the landscape of the past // Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn–Leiden Colloquia on Ancient Values VII / J. Ker, C. Pieper (eds). Leiden; Boston, 111–145.
71. *Miller M. C.* 1997: Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in the Cultural Receptivity. Cambridge.
72. *Mitchell L. G.* 2007: Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece. Swansea.
73. *Müller S.* 2014: Alexander. Makedonien und Persien. Berlin.
74. *Nikonorov V.* 1997: Armies of Bactria. 700 BC – 450 AD. 1–2. Stockport.
75. *Olbrycht M. J.* 1997: Partian King's Tiara – Numismatic Evidence and Some Aspects of Arsacid Political Ideology // *NN.* 2, 27–62.
76. *Olbrycht M. J.* 2014: Parthians, Greek Culture and Beyond // Within the Circle of Ancient Ideas and Virtues. Studies in Honour of Professor Maria Dzielska / K. Twardowska, M. Salamon *et al.* (eds). Kraków, 129–141.
77. *Pallantza E.* 2005: Der Troische Krieg in der nachhomerischen Literatur bis zum 5. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart.
78. *Perlman S.* 1976: Panhellenism, Polis and Imperialism // *Historia.* 25. 1, 1–30.
79. *Provencal V. L.* 2015: Sophist Kings. Persians as Other in Herodotus. London; New York.
80. *Rung E.* 2008: War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B. C. // War and Peace in Ancient and Medieval History / Ph. De Souza, J. France (eds). Cambridge, 28–50.
81. *Rung E.* 2013: Herodotus and Greek Medism // *Ruthenia Classica Aetatis Novae: A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History* / A. Mehl, A. Makhlayuk, O. Gabelko (eds). Stuttgart, 71–82.
82. *Rung E.* 2015: The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // *Klio.* 97. 2, 503–515.
83. *Rung E.* 2016: The Burning of Greek Temples by the Persians and Greek War-Propaganda // The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome / K. Ulanowski (ed.). Leiden; Boston, 166–179.

84. *Sakellariou M. B.* 1980: Panhellenism: From Concept to Policy // Philip of Macedon / M. B. Hatzopoulos, L. D. Loukopoulos (eds). Athens, 128–145.
85. *Sánchez M. G.* 2007: Los bábaros y el Bárbaro: ideentidad griega y alteridad persa // Faventia. 29. 1, 33–49.
86. *Sarkosh Curtis V.* 2007: The Iranian Revival in the Parthian Period // Age of Parthians. Idea of Iran. 2 / V. Sarkosh Curtis, S. Stewart (eds). London, 7–25.
87. *Sarkosh Curtis V., Stewart S.* (eds) 2007: Age of Parthians. Idea of Iran. 2. London.
88. *Skinner J. E.* 2012: The Invention of Greek Ethnography: From Homer to Herodotus. Greeks overseas. Oxford.
89. *Sonnabend H.* 2006: Fremdenbild und Politik. Vorstellungen der Römer von Ägypten und dem Partherreich in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Frankfurt am Main; Berlin; New York.
90. *Tuplin C. J.* 1997: Medism and its Causes // Transeuphratène: Recherches pluridisciplinaires sur une province de l'Empire Achéménide. 13, 154–185.
91. *Vlassopoulos K.* 2013: Greeks and Barbarians. Cambridge.
92. *Whitmarsh T., Thomson S.* (eds) 2013: The Romance between Greece and the East. Cambridge.
93. *Winter E.* 1988: Die sāsānidisch-römischen Friedensverträge des 3. Jahrhunderts. Ein Beitrag zu den außenpolitischen Beziehungen zwischen den Großmächten. Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris.

